

Вера Фёдорова

ВУНДЕР-КИНДЕР

Вера Фёдорова

Вундер-киндер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100606

ISBN 9785005175663

Аннотация

В простой многодетной семье Гороховых рождается ребёнок-вундеркинд Саша. Жизнь семейки полна приключений. Маме с папой, двум сёстрам и брату совсем не до Сашиних способностей, и познавать мир малышу приходится самостоятельно. В том числе узнать тайну своего рождения...

Содержание

Вундер-киндер	5
Глава 1. От нуля до года	6
Рождение	6
Не один дома	8
Встреча с отцом	10
Таракан	12
Мама	14
Блинчики, блинчики	16
Я умею читать	18
Юрик	21
Дашка	26
Чемпионка	30
Полина	33
Похищение	37
День рождения	40
Глава 2. От года до двух	45
Великое переселение народов	45
На новом месте	51
Супер открытка	57
Гугли-гугли	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вундер-киндер

Вера Фёдорова

© Вера Фёдорова, 2020

ISBN 978-5-0051-7566-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вундер-киндер

Меня зовут Саша Горохов. Мне четыре с половиной года, и я не такой, как все. Нет, моя анизометропия тут не причем. Просто я слишком умный. Такой родился. И мне было очень одиноко, пока... Расскажу с самого начала.

Глава 1. От нуля до года

Рождение

В животе у мамы Гали было мягко, тепло и совсем не мокро. Я слышал звуки снаружи. Они меня пугали. Постепенно я начал понимать человеческую речь, но мир снаружи оставался для меня загадкой.

Я не хотел рождаться и упирался, как мог. Потом услышал, что меня хотят тащить щипцами. Я не представлял, что это такое, испугался ещё больше и решил выйти сам.

Снаружи было очень светло и холодно. Всё расплывалось перед глазами. Меня стали шлепать. Я заорал от обиды. Но все только обрадовались. Я орал пока меня мыли и заворачивали.

Потом меня унесли и положили на жесткий стол. Надо мной наклонилось какое-то расплывчатое чудовище. Это была мамина знакомая акушерка – тётя Надя. Она сказала противным голосом.

– Доходяга, а орет, как слон...

– Да-а... Бо-а—и... Бо-бо... и-и хо-о-лод- на-а... – попытался сказать я. Голос ещё плохо меня слушался.

Она ойкнула и наклонилась ещё ниже.

– Что?

– Ма-а.. где-е?..– спросил я.

Тетя Надя от меня шарахнулась и, судя по звуку, грохнулась на пол. Правда, быстро вскочила и убежала. Тут же привела кучу людей в белых халатах и стала вопить, что я говорящий. Я растерялся и молчал.

Все посмеялись и ушли. А тётя Надя сказала, что я – странный ребенок, и все со мной ещё наплачутся. Так я узнал, что не бывает говорящих младенцев, и мне лучше пока помалкивать. Вдруг мама тоже испугается.

С мамой вообще было хорошо. Тепло и спокойно. А такого вкусного молока, как у неё, я больше никогда и нигде не пил. Мы лежали с ней рядом в большой светлой комнате. Она пела мне песенки и так приятно гладила пальцем по щеке.

Я думал, мы всегда будем вместе. Но через пять дней нас выписали домой. Маме сказали, что в целом я здоров, хотя не добираю в весе, и меня надо показать окулисту.

К тому времени я уже научился немного фокусировать зрение и мастерски выкручиваться из пеленок, хотя руки и ноги ещё плохо слушались.

Не один дома

Мы приехали домой на такси. Нам помогала мамина подруга Кондрашова, потому что папа Валера работал дальнотбойщиком и застрял на своей «фуре» где-то в Польше.

Я уже знал, что не один ребенок в семье. У меня две сестры и брат. Мама часто спрашивала по телефону: «Ну, как там мои обезьяны?...» Мне было интересно на них посмотреть.

Когда мама принесла меня домой, вокруг запрыгали и заорали три обезьяны. Старшей сестре Полине тогда было тринадцать, младшей Дашке – девять, а брату Юрику – шесть.

Мама положила меня на диван и ушла с Кондрашовой на кухню. Обезьяны вытаращились на меня, как на неудачную покупку.

У Полины тогда были разноцветные волосы и синие ногти. У Дашки – две косички с бантиками, у Юрика – волосы дыбом и синяк под глазом. Я уставился на Дашку, она мне показалась самой адекватной. Дашка усмехнулась.

– Чё зыришь? В штаны напузыришь!..

Все трое заржали. Полина разочарованно вздохнула.

– Лучше бы девочка...

Юрик презрительно сморщился.

– Правда, что ли, других не было?

– Сгоняй, поменяй... – предложила Дашка.

– Пусть мама поменяет. Этот такой урод...

– Придурок, младенцы все такие! Красные и сморщенные... – заявила Полина.

– Не-а. Я такой не был...

– Ага. Ты был ещё страшнее... – сказала Дашка.

– Не ври!.. – обиделся Юрик.

– Точно. Страшный и тошнотный... – подтвердила Полина.

Дашка заржала.

Юрик хотел зареветь, но вместо этого стукнул Дашку.

– Ты сама страхуила!..

– Что?!..

Даша с размаха шлепнула Юрика. Он хотел стукнуть её ногой, но Дашка увернулась и Юрик попал по коленке Полины. Полина ругнулась и дала по подзатыльнику обоим. И тут они все втроем стали бить друг друга.

Мама прибежала с кухни и прекратила драку.

– Вот всегда они так!.. Не скажешь, что родные. Хоть водой разливай... – пожаловалась Кондрашова.

Она здорово намучилась, потому что сидела с обезьянами пока мама была в роддоме. Все начали орать и жаловаться наперебой. Мама слушала, морщилась и кивала.

– Мы есть-то будем?.. – спросила наконец Кондрашова.

Все разом успокоились и ушли на кухню. Про меня, кажется, забыли.

Я лежал, смотрел в потолок и понимал, что жизнь моя легкой не будет.

Встреча с отцом

Через два дня примчался папа Валера с ящиком пива и тремя хризантемами.

– Ну, где мужик? Где мой пацан? – радостно заорал он с порога.

Папа Валера был огромный как шкаф. В комнате запахло табаком и мотором. Лицо у него было квадратное, румяное и улыбающееся. Я тоже попытался изобразить улыбку.

Папа Валера уставился на меня и постепенно перестал улыбаться. Подошла мама, прижалась к нему.

– Лапочка, да? – с нежностью глядя на меня, спросила она.

– Да-а... – неопределенно сказал папа Валера. – А чего это у него один глаз на вас, другой на Арзамас?

– Выправится, – сказала мама, – маленький ещё...

– Ага, мелкий совсем... – вздохнул папа. – Задохлик...

– Представляешь, Надька сказала, он умеет говорить. Прямо словами. Обалдеть, да? – затараторила мама. – Мы, конечно, поржали... Но мне кажется, он будет жутко умный. Этот, как его... вундер-киндер...

– Вундеркинд? С чего бы это? – подозрительно спросил папа Валера.

– Ну, говорят же – сила есть, ума не надо. А если силы нет, должен быть ум...

– Кучеряво... – буркнул папа Валера и впал в глубокую

задумчивость, что для него не характерно. До вечера. Пока не вернулись из сада и школы обезьяны, и Юрик не разбил Дашкин планшет.

С тех пор папа Валера не обращал на меня особого внимания, лишь изредка подозрительно разглядывал и неопределенно вздыхал. И вообще при всяком удобном случае он сбегал из нашего дурдома в рейс.

Таракан

Меня поселили в комнате родителей. Сначала детскую кроватку поставили рядом с большой родительской кроватью. Ночью я проснулся и решил посмотреть, что там делают родители на своей кровати. Правда, тогда я ничего не понял. Мама заметила, что я лежу на животе поперек кровати и наорала на папу Валеру, зачем он меня перевернул.

– Я не переворачивал, – обалдел папа Валера.

– Ага, ты ещё скажи, он сам перевернулся в полторы-то недели!..

– Ну, он же у тебя вундер-киндер... – усмехнулся папа Валера и попытался обнять маму.

– Юморист, блин! Ребенок голову еще не держит, задохнуться мог!..

Мама резко отпихнула папу и быстро перевернула меня на спину. Я заорал от страха, что испугал маму. Папа Валера плюнул и ушел курить.

Когда он вернулся, мама задумчиво сказала.

– Слушай, он, правда, так смотрит, как будто всё понимает...

– Во-во, а я про что!.. – согласился папа Валера.

Мою кроватку задвинули в угол и отгородили шкафом. Папа Валера стал звать меня тараканом: «Ну, как там наш таракан за печкой?» Мама сначала его одергивала, потом

привыкла. Я в принципе, тоже на не обижался, потому что не знал, кто такие тараканы. А когда узнал, кличка приклеилась ко мне окончательно. Даже мама приговаривала: «Таракашечка, ты, мой!...»

Зато я четко усвоил, чего не должны делать младенцы. Мама по сто раз в день твердила обезьянам, что я не игрушка и пока ничего не умею. И не надо кидать мне в кровать мяч, палить над ухом из пистолета, пускать мыльные пузыри, надевать на меня кукольную корону, пихать мне в рот недожёванные мармеладки. О приближении обезьян я предупреждал отчаянным воплем, и постепенно они потеряли ко мне интерес.

Несколько месяцев я прожил за шкафом. Это ограничивало мое познание мира. Зато, пока никто не видел, я потихоньку учился ползать и вставать.

Когда папа Валера был в рейсе, мама забирала меня на свою кровать. Это было счастье. Мы вместе смотрели сериалы. Там все страдали от несчастной любви и ненавидели друг друга. Это и есть жизнь? Я определенно не хотел взрослеть. Лучше уж остаться младенцем. Хотя мне совсем не нравилось писать и какать в подгузники.

Мама

Мама меня любила и жалела. Я был спокойный ребенок. В основном молчал, не то, что обезьяны. «Ребёнок – золото», – соглашалась с мамой подруга Кондрашова. Она часто заходила к нам поболтать и поесть, пока папы Валеры и обезьян не было дома. Меня тоже брали на кухню в люльке от коляски, которую ставили на стул.

До моего появления на свет мама работала поваром в столовой пединститута. Она не очень хотела туда возвращаться, потому что недолюбливала студентов: «Проглоты. Всё разметают, что гвоздями не прибито...» Мама надеялась забирать домой то, что не съедят за день студенты, но студенты съедали. Возможно, потому, что мама вкусно готовила. Папа Валера утробно урчал, когда ел мамин борщ с пампушками. А запах запеканки «по-гороховски» всегда подманивал соседей. Они просили кусочек и рецептик, но у них так не получалось. У мамы точно был талант.

Больше всех от этого страдала Полина, она никак не могла похудеть. Сколько не пыталась себя ограничивать, постоянно срывалась. Упитанный Юрик себя не ограничивал, но от переедания у него бывал понос. А Дашка из-за вредного характера требовала пиццы и бургеров, и каждый раз убеждалась, что они проигрывают маминым пирожкам и котлетам.

Кондрашова тоже работала в мамином институте, только уборщицей. Она делилась с мамой моющими средствами и сплетнями. Однажды Кондрашова сказала, что из института ушел какой-то профессор Хитрук, и посмотрела на меня. Мама тоже посмотрела на меня, вздохнула: «Ну, и наплевать...» Она казалась спокойной, но после этого у нее почему-то пропало молоко. Меня перевели на всякие порошки из пакетов. Они мне не нравились. Хотелось нормальной взрослой еды, но мне было не положено. Через несколько дней мама сказала: «Ну, и мне нечего ловить в этом гребаном институте. Больше туда не вернусь. Надо искать работу...»

Но работа нашлась сама у маминой знакомой акушерки тёти Нади. Нужно было приготовить еду на поминки. Кондрашова согласилась помочь. «А Сашку-Таракашку куда?» – забеспокоилась мама. «С собой возьмем, он спокойный...»

Блинчики, блинчики

Люльку со мной отнесли в квартиру тёти Нади, где никогда не было, и поставили на кресло возле стола. Мама и Кондрашова ушли на кухню готовить, а я огляделся. Хотелось понять, что за поминки такие. Через всю комнату тянулся стол со стопками тарелок и рюмок. Два зеркала почему-то были завешаны простынями. На тумбочке стояла фотография морщинистого мужчины с черной полосой на уголке. В общем, ничего интересного.

С кухни потянулись вкусные запахи. В животе заурчало. Я уже подумывал заорать голодным криком, но в комнату вошла мама со стопкой свежееиспеченных блинов.

– Потерпи Сашуля-Таракашуля, скоро покормлю. Зашиваемся. Сейчас все с кладбища вернуться...

Мама оставила тарелку с блинами на столе и умчалась на кухню. Блины стояли совсем рядом, они были такие аппетитные, что я не мог больше терпеть. Приподнялся на коленках, потянулся, схватил один блинчик и попробовал. Он был такой душистый, мягкий, маслянистый, что я не заметил, как его проглотил. Я потянулся за вторым. Было так вкусно, что я вовремя не среагировал на шум в коридоре. В комнату заглянула акушерка тётя Надя в чёрном платье и чёрной косынке. Она пронзительно вскрикнула.

– Смотрите! Смотрите!

Я шлёпнулся в люльку, быстро заглотал остатки блина и притворился спящим. В комнату набежала куча народа. Видимо, это были «все с кладбища». И мама вместе со всеми.

– Что случилось? – спросили сразу несколько голосов.

– Он, он... стащил со стола блин и сожрал!.. Я видела, видела!.. – в ужасе твердила акушерка тётя Надя.

Все начали её успокаивать. Говорили, что не может быть, ей показалось, ведь я ещё младенец. Что у неё разыгрались какие-то нервы, от какого-то стресса, из-за какого-то покойного свёкра.

– Не показалось мне! В рот засунул и жевал...

– Надь, у него зубов нет, – примирительно сказала мама.

Зубы у меня были, только об этом ещё никто не знал. Я поплотнее сжал губы.

– Всё у него есть. Вон вся морда от блинов масляная!

– Это слюни...

Мама провела мне по лицу полотенцем. Я закричал и захныкал.

– Т-с-с... – сказала мама.

– Нет, он не такой, как все! Не от мира сего! – не унималась тетя Надя. – Ты кого родила вообще?

– Надь, отстань от ребёнка! – не выдержала мама.

В общем, они поругались. Я заорал. Нам пришлось уйти. Но приготовленная еда всем понравилась, и маму стали приглашать готовить на поминки, иногда даже на свадьбы.

Я умею читать

Я был не только спокойный, но и осторожный ребенок. И мне бы в голову не пришло сунуть шпильку в розетку или стащить со стола чайник с кипятком вместе со скатертью. И уж тем более попробовать на зуб пластилин или мыло, хотя Юрий мне неоднократно предлагал.

Иногда Юрий подкрадывался и тряс у меня перед лицом погремушкой. Я морщился и хныкал. Его, похоже, это веселило. Я ненавидел погремушки. Бесмысленная вещь, не способствует развитию. Другое дело буквы и цифры. Из них можно сложить целый мир.

Читать я научился где-то в полгода. Опять же из-за Юрика. Его начали готовить к школе. Целыми днями к нему приставали: «А это какая буква? А это какая?..» Юрий молчал или отвечал невпопад. А еле терпел, чтобы не заорать: «Как можно быть таким тупым!..» Скоро я понял, что Юрий не такой уж тупой, а скорее хитрый. Он добился того, чтобы за правильные ответы, ему давали что-то вкусненькое или разрешали поиграть на планшете.

Я стал читать все надписи, которые попадались мне на глаза. На коробках с лекарствами, на магнитиках, на банках и бутылках, на рекламных листовках.

Иногда удавалось дотянуться до газеты или журнала. Папа Валера иногда привозил прессу из рейса и бросал где попа-

ло. Я с удовольствием шуршал страницами, переворачивал их. Мама это заметила, стала давать мне детские книжки, изрядно потрепанные Юриком. «Так внимательно смотрит, как будто читает!.. – хвалилась она Кондрашовой. Я и читал. Правда, «Колобок» и «Репка» – всё-таки не то, что длинная инструкция от таблеток амоксилав, где столько загадочных непонятных слов про грамположительные и грамотрицательные бактерии.

Особенно мне нравилось читать на поминках. Мама часто брала меня с собой.

– Он спокойный, не помешает, – предупреждала она. – Надо только дать ему книжек каких-нибудь. Всё равно. Да вы не бойтесь, не испортит...

Но люди всё-таки боялись. И давали мне, что не жалко. Старые журналы, учебники, рекламные проспекты магазинов.

Пока мама и Кондрашова готовили, я спокойно читал.

В одном доме, в старой книге под названием «Аквариумные рыбки» я нашел среди страниц непонятные разноцветные бумажки. Как потом оказалось, это были деньги. Причем иностранные. Из-за этого на поминках случился скандал между родственниками. А одна толстая тетка, даже ощупала меня и заглянула в подгузники. Вдруг и туда завалилась денежка.

Ещё была огромная квартира, куда мы приходили несколько раз. Мне разрешалось сидеть в кабинете. Он мне

очень нравился. На окнах плотные шторы, два металлических шкафа-сейфа, кожаный диван, напротив большие кожаные кресла, между ними столик с пепельницей. Ещё – огромная ненастоящая пальма в кадке и камин, чего я больше нигде не видел. Над камином – портрет мужчины в строгом костюме, фото и дипломы в рамках. Повсюду много всяких статуэток, зажигалок, безделушек. А главное – несколько застеклённых шкафов с большими папками и книгами. В заглавиях чаще всего попадались слова: закон, право и кодекс.

Мне давали полистать потёртый «Уголовный кодекс Российской Федерации» с кучей пометок ручкой и карандашом. Я сидел на полу, на ворсистом ковре и так зачитывался, что забывал обо всем на свете. Я даже не хотел отдавать книгу, но у меня её со смехом отнимали. Таких книг у нас дома не было. У нас вообще почти не было книг, кроме кулинарных, по ремонту автомобилей и учебников обезьян.

Юрик

Юрик тоже заметил мой интерес к книгам и стал подбрасывать свой «Букварь» мне в кровать. Я уже знал его наизусть и не трогал. Юрик надеялся, что я разорву или испорчу «Букварь» и от него временно отстанут с чтением. Он подсовывал мне в кровать ручки и карандаши: «Давай, рисуй, таракан!.. Вот тут... и тут. Ты что, тю-тю?..» Юрик крутил пальцем у виска. Я делал вид, что тю-тю. Тогда Юрик зажал карандаш в моей руке и стал водить им по страницам. Я заорал. Прибежала мама, увидела закрашенные страницы и дала Юрику подзатыльник.

– Это не я, это Сашка-Таракашка! – заорал Юрик. – Я наоборот хотел у него отнять...

– Врешь!.. Сашуля ещё ни одной книжки не разорвал...

Мама опять дала Юрику подзатыльник и выгнала из комнаты. Жалко, что она забрала из моей кровати карандаши, очень хотелось попробовать их на вкус.

Но Юрик не успокоился. Он стал рвать детские книжки, чтобы обвинить меня. Если он что-нибудь портил, подкидывал это в мою кровать. «Я только дал посмотреть, а он сломал...»

Однажды я не выдержал. Юрик оторвал голову Дашкиной кукле и засунул мне под одеяло. Это было подло, к тому же с Дашкой лучше не шутить.

Никто не знал, что я умею вылезать из кровати. Я незаметно прополз в комнату Юрика и положил кукольную голову ему в кровать, под подушку.

Вечером Юрик привел возмущенную Дашку ко мне: «Сам видел башку у него в кровати!..» Дашка не верила. К тому же в кровати ничего не было. Юрик даже матрас приподнял. «Может, ты кровать перепутал?..» – подозрительно сказала Дашка и рванула в комнату Юрика. Представляю что началось, когда Дашка нашла голову там!

Мама прибежала на крик со мной на руках и разняла обезьян. Дашка, правда, успела разрушить крепость из лего, оторвать ноги игрушечному Обеликсу и проглотить мармеладки, припрятанные Юриком под подушкой.

– Я не знаю, откуда тут башка!.. – ревел Юрик. – Это всё он!..

Юрик показал на меня. Я полусидел в кресле и безмятежно сосал палец.

– Здрасьте!.. Сосунок ещё на ногах не стоит. Из кровати вылез, к тебе в комнату притопал?..

– Ага, ага.. – закивал Юрик.

Мама усмехнулась.

– Да я скорее в барабашку поверю!..

– Врун, врун! – снова начала заводиться Дашка. – Щас, получишь у меня!..

Мама дернула Дашку за косичку.

– Ты тоже хороша! Девочка, а такой разгром устроила!

Давайте, убирайте тут всё!..

Ещё минут двадцать обезьяны возмущались: «Чего я-то?.. А я чего?.. Жиробас!.. Страхуила!..

Только угроза остаться без «пампушек с изюмками» убедила Дашку с Юриком навести порядок, как они это понимали. Большую часть конструктора обезьяны затолкали под кровать.

Потом Юрий показал мне кулак и прошипел.

– Ещё раз так сделаешь...

Дашка показал кулак Юрику.

– Ещё раз так сделаешь...

Мама показала им два кулака.

– Ещё раз так сделаете...

Юрик стал смотреть на меня подозрительно. У него появилась привычка незаметно подкрадываться и наблюдать, что я делаю. Он ждал, когда я совершу ошибку и дождался.

Уже несколько дней мне в руки не попадалось даже обрывка газеты. Детские книжки мстительный Юрий забирал у меня из кровати. Очень хотелось читать. Утром я заметил, как папа Валера засунул под свою кровать какой-то журнал. Целый, большой, яркий журнал.

Полдня я сдерживался. Потом всё-таки вылез из кровати и пошел к дивану. Мама, Кондрашова и Юрий ели на кухне. Когда Юрий ест, он обычно не отвлекается. Я надеялся хотя бы пять минут спокойно полистать журнал. Я вытянул журнал из-под кровати. На обложке были голые люди. Тут

Юрик запрыгнул в комнату и заорал:

– Попался!.. Мам, Таракан ходит! Мам, сюда!

Прибежали мама и Кондрашова. Я сел на пол и не знал, что делать. Я боялся, что мама испугается. Вылезать из кровати и ходить – в шесть месяцев было рановато. Но мама только секунду смотрела на меня испуганно.

– Сашуля, ты не ушибся?

Она подумала, что я выпал из кровати.

– Нет! – ответил Юрик. – Он умеет ходить! Я же говорил...

– Обалдеть! – сказала Кондрашова. – Правда, что ли умеет?

– Ну, а чего вы хотите?.. Он же вундер киндер! – сказала мама и осмотрела меня, нет ли шишек и синяков.

Юрик тем временем ухватил журнал и попытался утащить из комнаты.

– А ну дай сюда! – скомандовала мама. – А ну сам вышел!.. Бегом!

Юрик обиженно засопел и вышел. Наверняка, торчал у двери.

Мама сунула журнал Кондрашовой и отнесла меня в кровать. Потом они с Кондрашовой стали разглядывать журнал.

– Ну, ничего себе!.. Фу-у-у, гадость!.. Это ж надо так раскорячиться...

– Бабы у них страшные, да?

– Ага. А мужики, вроде, ничего...

– Да, ладно! Гладкие, как пингвины, аж, противно... Ну, Валера, ну развратник!

– А если б Дашка нашла? Даже страшно подумать...

Дашка

Дашка никогда не сюсюкала и почти не играла со мной. Я ей не нравился. Было обидно. Я пытался привлечь её внимание. Улыбался, тянул руки, даже пытался обнять. Дашка отворачивалась или отмахивалась.

– Отстань, урод!

Я смотрел на себя в зеркало и не понимал, что со мной не так. Обычный ребенок. Нос, рот, уши – всё на месте. Глаз немного косит и плохо видит, ну и что? Я часто его закрывал и смотрел другим глазом. Некоторым казалось, что я подмигиваю.

Мама удивлялась.

– Даш, ты чего такая бука? Он же твой родной брат. Обняла бы, поцеловала...

Дашка только морщилась, фыркала и уходила. Особенно ей не нравилось, когда кто-то говорил, что мы с ней похожи.

Однажды мама попросила Дашку пять минут побыть со мной на детской площадке, а сама зашла в магазин.

Я уже засыпал, когда в коляску стали заглядывать мальчишки. Один – незнакомый, а второй – племянник акушерки тёти Нади. Они показывали на меня пальцами и ржали. Дашка пыталась их отогнать по-хорошему, но они не отставали. Зря.

В общем, когда я слышал крики и выглянул из коляс-

ки, один мальчишка согнулся пополам и держался за живот. А племянника акушерки тёти Нади Дашка тыкала носом в песочницу, прямо в куличики малышей. Малыши орали, их мамы тоже.

Прибежала мама, оттащила «бешенную» Дашку и торжественно обещала наказать.

– А чего они брата моего обзывают! – оправдывалась Дашка.

– Как обзывают-то? – спросила мама дома.

– Чудилом косоглазым.

– Понятно, – сказала мама и не стала наказывать Дашку. Вечером Дашка неожиданно поговорила со мной о жизни.

– Тебе тоже не светит, Таракан. Всё в жизни только красивеньким, понял?.. Они вообще не парятся. Ещё узнаешь, как это несправедливо...

Я хотел спросить почему, но вместо этого сказал «да» Дашка посмотрела на меня с удивлением и вздохнула.

– Значит, уже понимаешь... – Дашка показала мне сжатый кулак. – Если что, Таракан, ты под моей защитой. Я могу тебе врезать, но больше никто...

Это всё-таки было лучше честного предупреждения Юрика: «Я, конечно, буду тебя защищать, Таракашка. Но если тебя обидит кто-то старше и сильнее меня, я сразу убегу...»

Я, наконец, понял, Дашка не была красавицей. Она тоже это понимала и злилась. А ещё она завидовала Полине, которая нравилась мальчикам. Дашка ругалась и дралась. Это

был её способ привлечь внимание.

До десяти лет Дашка носила привлекающие внимание банты и хитро заплетенные косички. Мама украшала её как ёлку: кружева, рюши, вышивка, брошки. Кружева отрывались, брошки ломались, ленты от бантов цеплялись за деревья и там оставались. Мама говорила, что у Дашки «шило в одном месте» Я долго размышлял, в каком, пока Юрий не проговорился.

Однажды Дашке пришлось измениться. Опять из-за Юрика. Ему нравились фильмы и комиксы про Астерикса и Обеликса. Естественно, он был фанатом толстяка Обеликса. На Новый Год Юрий выпросил полосатые штаны и сам сделал шлем из кастрюли. Ему не хватало косичек. Он с завистью смотрел на Дашкины косы.

Дашка не любила причесываться и каждое утро ныла, как ей надоела эта «волосня» Мама говорила, что «красота требует жертв». Дашка терпела, хотя для неё это не характерно.

Юрик начал атаку издалека: «Тебе вообще косы не идут», «Сейчас никто так не ходит», «Ты что, маленькая?»... Дашка злилась, пинала Юрика, но избавиться от кос не спешила.

Тогда Юрий взял и отрезал Дашкины косы, когда она спала. Все были в шоке.

– Ей так лучше! – оправдывался Юрий.

– Когда ты ночью будешь спать, я тебе нос отрежу, – спокойно пообещала Дашка.

Юрик испугался. Мама тоже. И быстро повела Дашку в па-

рикмахерскую делать модную короткую стрижку.

Весь вечер Дашка смотрела в зеркало. И было непонятно, нравится ей стрижка или нет. Потом она сказала: «Хотя бы причесываться теперь не надо...», и Юрик понял, что нос ему не отрежут.

Ещё было ясно, что платья с кружевами и юбочки с рюшами теперь Дашке не подходят. Она стала носить джинсы, шорты, спортивные брюки, даже в школе.

Чемпионка

Учителя Дашку не любили, вернее, опасались. Она не выносила критики и насмешек, сразу лезла в драку. Однажды укусила за ногу сына завуча Клима. Он был почти в два раза выше и на четыре года старше. Мама плакала, думала, что Дашку выгонят из школы. Но завуч, как ни странно, этого не сделала. Взяла пять тысяч на лечение сына и посоветовала отдать «гиперактивную» Дашку в спорт, чтобы там сбрасывать лишнюю энергию. А сын сам виноват, не нужно было «называть вашу девочку обезьянкой...»

Так Дашку отдали на дзю-до. Ей больше хотелось на бокс, но она не доросла. Дашке спорт понравился. Юрик тоже запросился на дзю-до. Только так можно было справиться с Дашкой, которая показывала ему «приёмчики». Но мама сказала Юрику: «Лучше я тебя на бальные танцы отдам. Там пацанов мало. Будут с тебя пылинки сдувать...»

Тут возмутился папа Валера.

– Девчонку в дзю-до, пацана – на танцы. Обалдели совсем! Надо наоборот...

Юрик на танцы не пошел, а Дашке на первых соревнованиях разбили нос. Какой-то мальчик, потому что девочек у них было мало. Я видел, как Дашка тайком плакала.

– У меня нос стал, как груша... И больно так... – жаловалась Дашка.

Я захныкал в знак поддержки. Дашка впервые погладила меня по голове.

– Хорошо, что ты мелкий, не скажешь, что я реву...

Я вообще-то мог говорить, я тренировался шёпотом, когда никто не слышал, но решил не нарываться.

Мама сказала, что Дашка больше на дзю-до не пойдет. Папа Валера сначала возражал.

– Хочешь, чтобы ребенка совсем изуродовали? И так... – мама безнадежно махнула рукой и замолчала, а папа Валера заткнулся.

Но Дашка от таких слов просто озверела. Она вернулась на дзю-до и стала тренироваться, как бешенная. Очень скоро на соревнованиях она валила всех подряд в своем весе и девочек, и мальчиков. Она бы и старших валила, но по правилам нельзя. Если только на тренировках.

На соревнованиях папа Валера чувствовал себя королем.

Худая Дашка не выглядела сильным соперником. Пока не начинала бороться.

– Да-ша! Да-ша!... Даша, давай, вали его! – орал папа Валера со мной на руках.

И Дашка выигрывала раньше или позже. Зрители смотрели на папу Валеру с уважением. Он растил чемпионку.

Однажды папа Валера так сильно болел за Дашку, что уронил меня на пол. Всё обошлось, но больше меня с ним на соревнования не отпускали.

Дашка поборола всех возможных соперников в городе,

районе и области и вдруг перестала ходить в секцию.

– Драться я и так умею, – сказала Дашка.

Папа Валера не понимал, как так можно. Он настроился ездить с Дашкой по миру и принимать поздравления, как отец чемпионки. Он повесил на стену полку для Дашкиных медалей и кубков.

Несколько раз приходили тренеры и умоляли Дашку вернуться. Но «если она что-то решила, бульдозером не свернешь» – считала мама. В конце концов всем пришлось смириться.

Я думаю, Дашка ушла не просто так. Я слышал, как Полина ей сказала:

– От твоего дзю-до руки станут, как грабли и спина, как колесо. Тебе там нос сломают и уши. Все пацаны от страха разбегутся...

– Врешь ты всё! – огрызнулась Дашка.

– Посмотрим, – усмехнулась Полина.

Полина

Полина была похожа на маму, только не такая полная. У неё были ямочки на щеках, «губы бантиком» и длинные темные ресницы. Вообще-то Полина была спокойная, добрая, послушная, всё делала плавно, даже ругалась. По маминим словам «таких семь штук можно родить»

Но в год моего рождения у Полины был переходный возраст. Я сам догадался, что это такой переход из ребенка во взрослого. Очень тяжелый. Мама говорила, что Полину «колбасит не по-детски» Я и сам заметил. То она меня обнимает, подбрасывает и щекочет, а то вообще не обращает внимания, как будто меня нет. Полина часто перекрашивала волосы, «одевалась, как чучело», огрызалась, вредничала и самое ужасное – начала «тусоваться с пацанами». Они каждый день торчали у нас во дворе.

– Слетаются, как мухи на мёд, кобелины!» – переживал папа Валера. – Как бы внучка нам не притащила...

– Не каркай! – заткнула его мама.

Когда папа Валера был не в рейсе, он разгонял «кобелин» и с трудом загонял Полину домой. Когда ей запрещали выходить на улицу, было только хуже.

Тогда мама придумала – пусть Полина гуляет вместе со мной. Старшая сестра будет заботиться о брате и не надевает глупостей.

Я обрадовался, а Полина нет.

– Я вам нянька? Мери Попинс?

– Мери Попа – уточнил Юрик и получил шлепок от Полины и хохот от Дашки.

– Ничего, не развалишься, – строго сказала мама. – Почувствуешь, что такое младенец...

– Да, задолбали меня уже эти младенцы! Рожаете и рожаете...

Полина кивнула на меня, Дашку и Юрика.

– А сама-то! Соплюха-зеленюха! – Дашка всего лишь повторила слова соседки, но в комнате запахло дракой.

– Заткнулись все! – рывкнула мама. – Короче, так. Или гуляешь с Сашулей во дворе, или сидишь с ним дома.

И Полина потащила коляску со мной во двор. Коляска так подпрыгивала на ступеньках, что я чуть не вылетел.

Наше появление во дворе вызвало удивление. Пацаны Бобик, Сёма, Зуб и Димон и пара девочек, Свет и Алис, с такими же разноцветными волосами, окружили коляску.

– Без него не отпускают, – вздохнула Полина.

– Здорово, пацан! – рывкнул Бобик мне в лицо.

Я хотел зареветь, но сдержался.

– Не пойму, он страшнее Дашки, а Свет? – поморщилась Алис.

– А вам не всё равно? – возмутилась Полина.

– По фиг... – согласилась Свет.

– А тебе идет быть мамашей, – сказала Алис. – Не теряйся,

Димон!

– Чего сразу Димон-то? Я – лучше – возразил Зуб.

– И я. И я. – сказали Бобик и Сема.

Полина только хихикала и была не похожа на себя. У Свет и Алис были лица, как будто они съели что-то кислое.

И мы стали гулять. Их громкая музыка мне не нравилась. Их разговоры тоже. Я узнал много ругательных слов, но они не несли информации, каждый день одно и то же. Пацаны и девочки как будто кого-то из себя изображали. Когда им делали замечания, огрызались.

Иногда мы уходили за дом к гаражам. Там было много кустов и мало людей. Можно покурить и выпить «пивасика». Мне тоже предлагали «ради хохмы», но Полина не разрешала. Сама, правда, пробовала и то и другое.

Я честно пытался заснуть на свежем воздухе, но это было практически невозможно. Когда прогулка мне окончательно надоедала, я начинал орать, и Полина нехотя тащила меня домой.

Однажды Свет подралась с Алис, кажется, из-за Зуба. Они катались по земле и выдирали друг у друга волосы. Пацаны веселились и снимали драку на телефон. Пока Полина не крикнула.

– Хватит! Остановите их!

Пацаны растащили девчонок, но Свет и Алис почему-то стали обвинять во всем Полину, которая «овцой прикидывается и отбивает пацанов». Свет и Алис послали всех далеко

и надолго и заявили, что больше не придут. Пацаны не расстроились.

– Пусть катятся, да, Полин? – сказал Зуб и обнял Полину за плечи.

Пацаны уставились на Полину. Взгляды у них были какие-то странные. Как будто они хотели её съесть. Я заорал. Полина стряхнула руку Зуба.

– Да пошли вы! – сказала она, схватила коляску со мной и покатила к дому.

На следующий день компания собралась на прежнем месте, как будто ничего не было.

Я не понимал, зачем Полина с ними общается. Ведь ничего общего. Но её словно магнитом тянуло.

Похищение

В тот день Полина с Димоном пришли к гаражам раньше других. Они повисли друг на друге и стали целоваться. Коляску со мной оставили за кустами, наверное, чтобы я не подсматривал.

Я заснул, а проснулся оттого, что коляска быстро катилась по незнакомой улице. И катила её не Полина, а какой-то незнакомый мужчина.

– Тихо, тихо, пацан, – сказал он, – скоро приедем.

Глаза у него были серые и какие-то пустые. Он криво улыбнулся и совсем мне не понравился. Я поморщился.

– Не вздумай орать... – прошипел мужчина. – Хочешь конфету?

Он притормозил и сунул мне конфету в мятом фантике. К фантику прилипли крошки. На нем была нарисована корова и написано «Коровка» для тупых. Я не хотел её есть.

Мужчина огляделся. Я тоже. Людей почти не было. Впереди виднелись заросли из кустов и деревьев. Мы явно направлялись туда.

– Чё смотришь? – усмехнулся мужчина. – Это похищение, сынок.

Насколько я помнил из Уголовного кодекса, в похищении нет ничего хорошего. Мне стало страшно, и я сказал:

– За похищение человека – лишение свободы на срок

от пяти до двенадцати лет...

Мужчина замер.

– Чё?.. Это кто сказал?.. Ты-ы?..

Он уставился на меня, как акушерка тётя Надя.

– Статья сто двадцать шестая, пункт дэ... – кивнул я.

– Ни хрена себе!

Мужчина смотрел на меня, и один глаз у него немного дергался. Он словно, не знал, что делать. Я увидел, как к остановке подъехал автобус. Из него стали выходить люди.

– При отягчающих обстоятельствах на срок от шести до пятнадцати лет... – уточнил я.

Мужчина оглянулся и увидел, что к нам идут люди. Он что-то пробормотал и направился к зарослям.

– Подождите! Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, – крикнул я ему вслед. – Отвезите меня домой!..

Но мужчина рванул быстрее и скрылся в зарослях. Я остался один в коляске на обочине. Люди из автобуса шли мимо, с удивлением на меня поглядывали, останавливались.

– Чей ребёнок? – спросила одна старушка.

Я боялся открыть рот. Вдруг они тоже испугаются и разбегутся.

– Мужик какой-то в кусты отошел. Отец, наверное... – сказала женщина с рюкзаком.

Все успокоились и стали расходиться. Старушка осталась.

– Ну и отец! Ребенка на обочине бросил... – ворчала она. –

Сажать таких надо! Пусть только появится...

Никто к нам не шел. Старушка занервничала.

— До завтра тут стоять?

Она стала ворчать, что забыла телефон, торопится, ей всегда больше всех надо, и куда теперь девать маленького ребенка, который говорить не умеет и тем более адреса своего не знает.

— Улица Садовая, дом восемнадцать, квартира двадцать девять... — не выдержал я.

Впоследствии старушка уверяла, что адрес я назвал сам, но ей никто не верил, кроме акушерки тёти Нади.

Когда я вернулся домой, зареванная Полина не отходила от меня весь вечер. Больше тусоваться она не пошла. Перестала красить волосы и вообще краситься. Оказалось, ей без этого даже лучше.

День рождения

Мне исполнился год.

Несмотря на задохлость и маленький вес здоровье у меня оказалось хорошее. Как и аппетит. Просто я не толстел и всё. Метаболизм. Мне рано выписали очки, чтобы исправлять анизометропию и небольшое косоглазие. Один глаз у меня видел отлично, а второй – минус пять. Стекло очков перед здоровым глазом заклеили пластырем, чтобы развить глаз близорукий. Это было неудобно, к тому же одно ухо у меня выше другого и очки сидели криво. Впрочем, я быстро приспособился подглядывать поверх очков.

Я был похож на тощего ушастого пирата. Другие дети и их родители поглядывали на меня с настороженным любопытством. Раньше мама спокойно оставляла коляску со мной возле магазина или палаток, в полной уверенности, что такого ребёнка не украдут. После похищения стала опасаться и закатывала коляску даже в ларек площадью метр на метр.

Я умел ходить, говорить и читать. Говорил я нарочно невнятно (к тому же не выговаривал буквы «л» и «р») и только короткие слова. Всё равно мама мной очень гордилась и злила обезьян: «Никто из вас балбесов в год не говорил, а Сашуля говорит. Цените брата вундеркинда!..» «Подумаешь!.. – обижался Юрик. – Болтает что-то непонятное. Мы тоже так могли. Ты просто забыла...» Полина и Дашка согла-

шались с Юриком, но мама только качала головой и улыбалась. Умение читать, я пока скрывал. Чтобы не догадались, иногда держал книги вверх ногами. Пусть думают, что для меня это игрушка. Вверх ногами тоже можно читать, только медленнее. Я так натренировался, что мог читать любой текст из любого положения.

Мама испекла торт. Пригласила Кондрашову и акушерку тётю Надю. Акушерка тётя Надя сразу сказала, что не придет. Зато Кондрашова прибежала с утра пораньше на запах торта и мяса по-французски. Мама иногда говорила, что Кондрашовой «не фиг делать». Мужа нет. Дочка замужем за итальянцем, два года дома не была.

Папа Валера, как обычно, был в рейсе. Обещал привезти мне подарок. «Себя бы привез...» – вздыхала мама. Телефон у папы Валеры был заблокирован. Мы его так и не дождались, сели за стол.

Праздновать решили в комнате родителей. Основное место там занимала двуспальная кровать, с массивной деревянной спинкой. А ещё шкаф, за которым стояла моя кроватка, сервант, два стула и обычно сложенный пополам стол.

Стол разложили и придвинули к кровати, притащили табуретки с кухни. Пробираясь к столу приходилось по стеночке или через кровать. Мама постелила светло-голубую скатерть для торжественных случаев, с черной отметиной посередине. Папа Валера случайно прожег её сигаретой. На это место обычно ставили салатницу.

Я сидел на высоком стульчике с пристяжным столиком. Меня переодели в бывший праздничный костюмчик Юрика и повязали на шею большой бант, как коту. Может, для красоты, а может, чтобы скрыть не отстиравшееся пятно от варенья на груди. «Очаровашка!.. – сказала Кондрашова, и все начали есть.

Я рассчитывал, что мне тоже дадут мяса по-французски, которое восхитительно пахло. Но передо мной на столик поставили тюбик с пюре из брокколи и пластмассовую тарелку с рисовой кашей, куда добавили жидкое суфле из индейки. И всё?!

– Мясо! – сказал я и потянулся к большому столу. – Мясо, мя-со...

Все уставились на меня.

– Мужик растёт... – сказала Кондрашова, не переставая жевать. – Мясоед...

– Нельзя тебе пока такого мяса, Сашуль. Ещё подавишься...

Пришлось захныкать. Но всё, чего я добился – пара тонких кусочков сыра, прозрачный ломтик докторской колбасы, нарезанный огурец и обещание дать мне побольше тортика. Мне даже не налили детского шампанского, потому что там газики. А налили яблочный сок без сахара.

– Ну, Сашуля, за тебя! – сказала мама и чмокнула меня в макушку.

– Будь здоров, расти большой! – подхватила Кондрашова.

Все чокнулись, выпили и поели. Я обиженно размазывал кашу по тарелке.

Потом нужно было «переварить перед чаем». Полина ушла болтать по телефону, Дашка с Юриком – играть на планшете. Мама с Кондрашовой остались за столом.

– Что-то не забирает... – сказала мама, допивая красное вино из бокала.

– И меня... – согласилась Кондрашова.

– Шандец Валериной заначке! – решительно сказала мама и достала из-за спинки кровати бутылку с прозрачной жидкостью без этикетки.

Они выпили и стали говорить о жизни. Разговоры в основном сводились к тому, что папа Валера и зять Кондрашовой – животные, в основном козлы. Потом они начали петь. Потом пришел Юрик и спросил, когда будет торт.

– Когда со стола уберете... – сказала мама и пошла в туалет.

Кондрашова собрала пустые тарелки и понесла на кухню. Юрик сделал вид, что помогает, потом подмигнул мне.

– Хочешь праздник, Таракан?

Юрик быстро выпил из моей чашки остатки яблочного сока и налил туда детского шампанского, а потом прозрачной жидкости из бутылки.

– Пей! Только все сразу. Хоп!

Юрик поднес мне чашку и я сделал «хоп». Жидкость обожгла горло. Она была горькая и вонючая и в то же время

сладковатая и ароматная. Я закашлялся. Юрик дал мне кусочек мяса по-французски.

– На, закуси!..

– Что тут у вас? – спросила мама, входя.

– Ничего. Со стола убираем... – сказал Юрик, всё ещё сжимая в руке бутылку с прозрачной жидкостью. Он понес её в сторону кухни, заодно прихватил салатник.

– А ну дай сюда! – мама отобрала у Юрика бутылку, поставила на стол и подозрительно осмотрела меня. Я перестал жевать и улыбнулся. Мясо было очень вкусное.

В общем, жидкость в бутылке скоро кончилась, торт тоже. У меня всё плыло перед глазами. Когда меня поставили на пол, я почему-то не мог ходить прямо. Ноги мешали, и я падал. Это очень веселило Юрика. Кажется, я заснул под столом.

Кажется, поздно вечером приехал папа Валера с подарком – поцарапанным детским самокатом. Кажется, мама возмущалась: «На какой помойке ты его нашел? Ещё бы мотоцикл младенцу притащил...»

Кажется, папа Валера пытался поставить меня на самокат, но я не мог стоять. Кажется, папа Валера возмущался насчет бутылки с прозрачной жидкостью. Кажется, мама стала кричать в ответ. Кажется, самокат взял Юрик, стал гонять по коридору и со всей дури врезался в шкаф. В общем, самоката я больше не видел.

Таким был мой первый день рождения.

Глава 2. От года до двух

Великое переселение народов

После года родители стали думать, куда бы меня отселить. В квартире было три комнаты. В самой маленькой комнате жила Полина, в самой большой – Дашка с Юриком. Родители – в средней.

Если к Полине (а я был бы не против), то там велотренажер и бардак, и Полине надо учиться. Если к Дашке с Юриком, то там кукольный домик, крепость из лего и бардак, и Дашка считает, что Полине слишком жирно жить одной в комнате.

Был вариант поселить вместе Дашку с Полиной, а меня с Юриком. Опять же где? После долгих криков, споров и небольшой драки между Дашкой, Полиной и Юриком решили: родители переезжают в маленькую комнату, Полина с Дашкой – в большую, а ко мне в среднюю переедет Юрик вместе с двухъярусной кроватью, так как мою детскую кроватку решено было вообще убрать.

– Сейчас по-быстрому всё передвинем и порядок! – решил папа Валера.

Папе Валере просто не терпелось начать перестановку. Хотя мне сразу было понятно, что кровать родителей в дверь

не пролезет, шкафы – тоже и уж тем более двухъярусная кровать Дашки с Юриком. И чтобы что-то перенести, надо сначала что-то вынести, а куда?

Мама тоже засомневалась, но папа Валера достал ящик с инструментами и сказал, что он по-быстрому, что надо разберет, а потом соберет обратно.

– А шмотки из шкафов куда? Куда вообще всё?

Папа Валера принес из кухни большие черные пакеты и скомандовал сваливать всё в них.

– Это же пакеты для мусора! – возмутилась Полина.

– Ещё в такие пакеты трупы кладут, – уточнила Дашка.

– Ух, ты! – радостно сказал Юрик.

– Время пошло! – рявкнул папа Валера и сунул всем по пакету. – Погнали!

Естественно, первое, что сделал Юрик, залез в пакет и прикинулся трупом. Все об него спотыкались, пока папа Валера не сказал, что сейчас завяжет пакет и выкинет Юрика на помойку.

Юрик вылез и стал предлагать мне забраться в пакет, это так классно, но я не соглашался.

Я сидел на детском стульчике и смотрел, как комната превращается в руины.

Пока мама вытаскивала из серванта рюмки, фужеры, разное другое стекло и заворачивала в газеты, папа Валера успел разобрать мою кроватку, двуспальную кровать и начал затапливать в пакеты одежду и бельё из шкафа.

– Обалдел! – подскочила мама. – Так же всё помнется и перепутается!

– Да, ладно, это не надолго! – успокоил папа Валера. – Потом всё разберем. В темпе давай!

Папа Валера разобрал, всё, что можно и пошел проверять, что делается в других комнатах. Я пошел за ним.

Полина болтала по мобильнику. Всё, что она сделала, за-сунула в пакет огромного игрушечного медведя – подарок Димона. А больше ничего не влезает!

Дашка с Юриком прыгали в пакетах по комнате, веселились и даже не думали разбираться. Они были восставшие зомби.

Папа Валера психанул и стал сваливать в пакеты всё, что попадалось под руку. На кухне и на балконе росла гора черных мешков.

Папа Валера всё раскручивал и разбирал, как сумасшедший. Есть приходилось на ходу и что попало. До плиты и холодильника было не добраться. Заказали пиццу, которую пришлось есть стоя, потому что все стулья были завалены вещами. Запивали водой и лимонадом. Мама плевалась. Она бы приготовила пиццу лучше. Папа Валера заикнулся про пиво, но мама сказала: только после того, как он всё это приведет в порядок.

Потом разгром продолжился. В дальнем углу серванта нашлось несколько старых книг: С. Есенин «Стихотворения», А. П. Чехов «Каштанка» и Орфографический словарь; все

со штампом городской библиотеки. Мне было чем заняться до вечера, пока меня со всех сторон обкладывали черными мешками.

Как-то незаметно наступила ночь.

– Ну, что, доволен? – спросила папу Валеру мама и передразнила. – Сейчас по-быстрому всё разберем...

– Да ладно, завтра доделаем! – беззаботно сказал папа Валера. – Где, кстати, эта твоя подружка-свистушка? Пришла бы, помогла.

– Щас! Кондрашова в grippe. Мне только заразы здесь не хватало...

Помощи ждать было неоткуда. Ничего не оставалось, как устраиваться на ночлег, к тому же голодными, потому что Юрик втихушку доел остатки пиццы. Впрочем, все так устали, что заснули «как подрубленные». Мама и папа Валера – на вещах на полу, Дашка с Полиной – на матрасах от двухъярусной кровати, Юрик – в ванне, куда сложили пуховики и зимние куртки, когда черные мешки кончились. Меня устроили на кухне в прогулочной коляске, которая была мне маловата. Если вывалюсь – не страшно, вокруг мягкие мешки. Я и вывалился, когда посреди ночи папа Валера пытался пробраться к холодильнику за пивом. А на папу Валеру свалилась монстера с подоконника. Попытка не удалась.

Утром все были не выспавшиеся, голодные и злые. Тут ещё Юрик решил попить лежа на пуховиках, открыл над собой кран, чтобы вода потекла ему прямо в рот. Пока он да-

вился и откашливался, вода залила половину зимних вещей. Таких воплей от мамы я никогда раньше не слышал. Теперь ещё и на улицу за шаурмой нельзя было выйти, пока вещи не высохнут, те, которые не испортились.

Перекусив (снова пицца), папа Валера начал собирать мебель обратно. Почему-то деталей или не хватало, или попадались лишние. И ему было непонятно, куда подевались нужные винтики, шурупчики и шайбочки, которыми скреплялась «вся эта фанера».

Я пытался ему помочь, я прекрасно запомнил, что от чего. У меня в голове была четкая картинка каждого шкафа и кровати. Но папа Валера только злился: «Отстань, Таракан, не до тебя!..» В общем, папа Валера кое-как собрал только двуспальную кровать, которая заняла всю бывшую комнату Полины. Потом ему позвонили, и предложили «очень выгодный рейс, а он не дурак от таких денег отказываться...» Даже подмокшая куртка не аргумент. Мама всё равно пыталась его не пустить, но папа Валера протиснулся к двери за стенками от шкафа, а маму остановили стеклянные дверцы серванта – они сползали с кресла и могли разбиться.

– Наймите мастера! – крикнул на прощание папа Валера, и стало ясно, что быстро из рейса его не дожدهшься.

Мама села на мешки и заплакала.

Мы собрались вокруг и стали утешать.

– Мам, не расстраивайся! Так даже прикольной, настоящие джунгли! – сказал Юрий.

– Придурок! А жить где? – сказала Полина.

– Можно шалаш построить, – не сдавался Юрик. – Вон сколько всего...

– Вариант, – сказала Дашка.

– Шалаш в квартире?! – обалдела Полина. – Ещё чего! Я лучше пацанов позову. Они нам всё соберут.

– Пацанов!.. – передразнила Дашка. – Так они и прибежали...

– Увидишь.

– Сами всё соберем, – решительно сказала Дашка и взяла в руки шуруповерт. Юрик схватил молоток, а Полина – мобильник.

– Помощники вы мои! – растрогалась мама.

В общем, пришли пацаны, в том числе и сын завуча Клим, от которого Дашка спряталась в туалете. Пришел сосед Егор Егорыч. Пришла Кондрашова в гриппе и маске. Ей стало легче. Общими усилиями мебель кое-как собрали. Но вещи были безнадежно перепутаны. Чтобы что-то найти, приходилось перерывать кучу черных мешков.

Когда папа Валера вернулся из рейса, мама с ним целых три часа не разговаривала.

На новом месте

Бывшая комната родителей совершенно изменилась. Я как будто переехал в новый дом.

Одну стену комнаты и раньше занимали фотообои. Поляна, березки, извилистая тропинка в траве. Но теперь Полина нарисовала на поляне грибы, Дашка – гигантских ёжиков, а Юрик – динозавра, похожего на бегемота. Ещё он пытался нарисовать на дереве белочку, но она не получилась, и с ветки свисало что-то вроде сетчатой черной сумки.

У противоположной стены теперь стояла двухъярусная кровать, вся в наклейках. В углу – большой металлический бак с кривой надписью «Пищевые отходы». Там хранились игрушки.

Ещё в комнате появился небольшой стол, за которым Юрик делал уроки, его стул с подушечкой на сиденье, полка для учебников и комиксов, которые, впрочем, валялись по всей комнате.

С одной стороны от двери уместился шкаф для вещей с двумя дверцами, тоже весь в наклейках и с отметинами фломастером, кто на сколько вырос. А с другой – втиснулось потертое автомобильное кресло, к которому папа Валера приделал ножки. Кресло пахло кожей и машинным маслом. Мне нравилось сидеть на нем и читать. Это, когда Юрик не швырял на кресло свой школьный рюкзак или какие-ни-

будь вещи.

На полу, на потертом паласе Юрик собрал крепость из ле-го. Рядом с ней нужно было ходить не дыша.

Честно говоря, я бы лучше жил на кухне под столом, толь-ко не в комнате с Юриком. Он почему-то решил, что вся комната теперь его. Мне оставалась только нижняя кровать. Но и на неё Юрик плюхался после школы. Ему лениво было залезать наверх. Он играл на планшете и громко пукал после сытного обеда.

Мое любимое время, когда Юрик был в школе. После школы – кошмар.

Хорошо, что я не очень люблю игрушки. У меня была все-го одна игрушка – розовый бегемотик, подарок Кондрашо-вой. С ним хорошо было спать в обнимку. Бегемотика Юрик «пулял» по всей квартире. Мне же ничего нельзя было тро-гать: ни леги, ни машинки, ни фигурки из комиксов. Хотя родители всё время говорили, чтобы мы играли вместе. И за-чем покупать мне отдельные игрушки, когда их и так полно.

Если Юрик и играл со мной, это были дурацкие игры. То в шкафу запрет, то по макушке щёлкнет, то пижаму на люст-ру забросит.

В первый же вечер Юрик начал меня пугать. Свешивал-ся с верхней кровати, строил рожи, тянул ко мне руку в чер-ной перчатке с наклеенными когтями. Его голова, и прав-да, выглядела жутко: волосы свисали вниз, толстые щёки на-лезали на глаза и постепенно становились малинового цве-

та. Юрий раскачивал кровать, тихо завывал и говорил, что по ночам он превращается в зомби. Когда-нибудь он меня сожрет. Мне будет пипец. Я пищал от страха. Не из-за зомби. В год с небольшим я уже понимал, что зомби не бывает. Я боялся другого. Наша двухъярусная кровать после сборки заново сильно скрипела и подозрительно потрескивала. Я боялся, что конструкция не выдержит и толстый Юрий провалится на меня вместе с матрасом. Тогда мне точно пипец. Я просил Юрика перестать, но он только ещё больше веселился.

Я заорал. Прибежала мама, Юрий притворился спящим.

– Что случилось?

– Юрий – зомби! – пожаловался я. – Ломает кровать...

– Это ему, наверное, сон страшный приснился... – сонным голосом сказал Юрий.

Мама погладила меня по голове, укрыла, погрозила Юрику пальцем и ушла.

На следующую ночь всё повторилось, и на следующую. Мама прибегала всё реже. Однажды даже сказала: «Хватит! Спать не даете. Сами разбирайтесь...»

Весь день я думал, как разобраться с Юриком. Он старше, толще и выше. Я запомнил несколько Дашкиных приемчиков из дзю-до, но у нас с Юриком были слишком разные весовые категории. Кое-какие преимущества у меня всё-таки были: мозги и острые зубы.

Когда я первый раз укусил Юрика, он страшно удивился.

Второй раз – он хотел меня поколотить, но я сказал, что ночью превращусь в Кусаку и загрызу его. Юрик усмехнулся, но как-то неуверенно. В третий раз – он пожаловался маме. Мама спросила: «А ты что ему сделал?» и Юрик призадумался.

Юрик перестал меня пугать по ночам и давать подзатыльники. Если он пытался, я показывал зубы, острые и неровные. «Поговорим, когда они у тебя выпадут» – мстительно сказал Юрик.

Как выпадут? Я был в ужасе. Но мама сказала, что это нормально лет в шесть или семь. Потом вырастут новые. По крайней мере, у меня есть время.

Оставалось придумать, как переложить Юрика с верхней кровати на нижнюю, чтобы спать спокойно.

Я вспомнил, что Юрик боится насекомых. Летом Дашка засунула ему за шиворот паука. Юрик так орал, что один малыш на детской площадке начал заикаться.

Юрик пришел из школы. Я сидел на его кровати и заглядывал под одеяло.

– Эй! Ты чего там ищешь? – угрожающе завопил Юрик. У него была привычка прятать конфеты под подушкой и есть их по ночам.

– Тут таракан. Он с потолка упал. Вот такой! – я показал раскрытую пятерню. – Нет, больше.

Юрик заржал.

– Ага. Точно таракан. Ещё больше. А, ну, вали с моей по-

стели, Таракашка!

– Ещё тут паук был... – пытался выкрутиться я.

Но у Юрика явно не работало воображение. Нужны были железные доказательства. А где их взять зимой?

Я обследовал квартиру в поисках хоть каких-то насекомых. Раньше они попадались. Но после нашей перестановки все куда-то делись. Я напросился в гости к Кондрашовой. Но там была стерильная чистота. Мама была права: «Кондрашовой не фиг делать. Драит и драит свою однушку...»

Потом мне повезло. На очередных поминках в квартире был огромный террариум с ящерицами. Их как раз кормили насекомыми. Я потихоньку вытащил из застекленной клетки пару тараканов, сверчков и противного червяка-гусеницу под названием зоофобус.

По утрам Юрик находил у себя на подушке насекомое, дико орал и спрыгивал на пол. Мама не понимала, откуда эта гадость берётся. С потолка что ли падает? Я кивал, да, с потолка, я видел.

Мама ходила ругаться к соседям сверху. Те уверяли, что у них нет тараканов, только совки и муравьи.

Окончательно убедил Юрика полудохлый зоофобус.

– Давай махнемся кроватями, Таракан? Наверху, знаешь, как классно?

Я делал вид, что не хочу меняться. И только за три мармеладки нехотя согласился.

А полудохлый зоофобус сбежал и залез в крепость из ле-

го. Когда Юрик его там увидел, а мама прихлопнула, замок был разрушен. Теперь Юрик относился к лего подозрительно, и я мог играть в него сколько угодно. Но потом папа Валера решил, что лего для меня слишком рано, а для Юрика поздно и куда-то его увез.

Так я научился манипулировать людьми. Конечно, вредничать Юрик не перестал. Но я понял, что могу с этим справиться.

Супер открытка

Однажды я посмотрел на Юрика с другой стороны.

К празднику 8 Марта им задали сделать открытку и подарить, кому захочешь в классе.

Юрик очень старался. Мне нельзя было и шага сделать, чтобы не помял, не наступил, не потерял. Юрик подключил Дашку, Полину, маму и даже папу Валеру, который должен был дать свое мнение.

Дашка с Полиной чуть не подрались на тему «зачем так много блесток» и «сколько нужно наклеек с котиками». Мама сказала, чем больше, тем лучше.

Папа Валера задумчиво смотрел на «цветочки-лепесточки», блестки и наклейки, потом сказал:

– Открытка, конечно, неплохо, сынок. Но я знаю, кое-что получше...

Папа Валера порылся в кармане, вытащил денежку в тысячу рублей, расправил и продемонстрировал Юрику.

– Вот, гляди, отличная открытка...

– Ещё два дня до аванса, – насторожилась мама.

– Это я теоретически. Учу... Понял? – спросил папа Валера Юрика и спрятал тысячу в карман. Юрик кивнул, но протянутую руку опустил не сразу.

На следующий день Юрик помчался в школу с удовольствием, что для него не характерно. Вернулся мрачный,

швырнул портфель в угол и завалился на кровать, хотя там сидел я.

– Что случилось? – забеспокоилась мама. – Не понравилась открытка?

– Понравилась... – буркнул Юрик и отвернулся носом к стене.

Он пролежал так до вечера. Даже не пошел обедать, что для него уж совсем не характерно. Дашка не выдержала и предложила разобраться: «Ты только скажи, с кем?» Но Юрик молчал.

К ужину котлетки с пюре всё-таки выманили Юрика из кровати. Он немного взбодрился и решил заодно и пообедать.

Юрик так ничего никому и не рассказал, кроме меня. Я маленький, глупый и не умею дразниться.

Он хотел подарить открытку девочке Свете, а она не взяла.

– Не нужна мне, жиробасина, твоя открытка, прикинь!.. – жаловался мне Юрик. – Хоть бы взяла и выкинула потом... Зачем обзывать?.. Ещё при всех...

Я кивнул. Юрик задумался.

– Кажется, я никогда не женюсь, Таракан. Зачем мне такой гемор?

Мне даже стало жалко Юрика. Не такой уж он толстокожий. И в школе его дразнят. А открытку, как выяснилось потом, Юрик подарил завучу.

– Спасибо, Горохов. Просто супер открытка, – сказа-

ла она.

Гугли-гугли

Юрик ненавидел делать уроки. Он знал кучу способов тянуть резину и не садиться за учебники. Я этого не понимал. Сделал бы «домашку» по-быстрому и свободен. Я изучил все его учебники и тетради за второй класс и пришел к выводу, что там нет ничего сложного.

У меня в голове, как будто, было много-много разных комнат с полочками. Если я что-то читал или узнавал, информация превращалась в книгу, тетрадь, листок с записями или фото и отправлялась на полочку. Я помнил, где там что находится. При желании книга просто открывалась у меня в голове. Мысленно. К сожалению, огромное количество полочек оставались пустыми.

Меня страшно тянуло к знаниям. В комнату Дашки и Полины, где явно было больше полезной информации. Но сестры вначале не очень-то пускали к себе нас с Юриком. Особенно Юрика.

После переезда они никак не могли успокоиться – постоянно делили пространство, двигали мебель, строили баррикады. Когда их скандалы окончательно всех достали, мама провела мелом черту посреди комнаты, прямо на линолеуме: это – твоя половина, а это – твоя.

Линия постоянно смещалась, то влево, то вправо. Зависело от того, кто из сестер оставался дома, а кто отсутствовал.

Снова начинались разборки, замеры, претензии; пока папа Валера не нарисовал линию красной несмываемой краской. Она разделила пополам даже дверной проем и окно.

На Дашкиной половине было просторно, потому что она спала на старом кресле-кровати, которое днем складывалось. Сначала ей хотели купить новый диван, но потом передумали. Дашке нужен был простор. Вместо письменного стола у нее была тумбочка, к которой папа Валера прикрепил откидную столешницу. Но Дашка всё равно предпочитала делать уроки лежа на полу или пристроившись на своей половине подоконника. Для вещей у нее была высокая до потолка колонка, которая тоже занимала мало места. Поэтому возле нее спокойно разместился кукольный домик.

На половине Полины наоборот места практически не было. У неё была большая кровать, письменный стол, огромный шкаф для вещей, кресло и зеркало со столиком для косметики. Велотренажер Полины на её половине уже не помещался и залезал на Дашкину территорию. Но сестры договорились, что Дашка тоже может им пользоваться.

Когда я приходил в гости, Дашка или Полина спрашивали: ты к кому? Я колебался и заходил в комнату одна нога здесь, другая там. Дашка и Полина смеялись, тянули меня каждая в свою сторону. Однажды так сильно, что чуть не разорвали пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.